
Артём Тышлангян
Плетение тени

Артём Тышлангян

Плетение тени

https://litres.ru/74793077
SelfPub; 2026

Аннотация

Память здесь — не свет, а груз.

Воспоминания — не утешение, а сделка.

А тот, кто плетёт из теней новый мир, не спрашивает, готовы ли вы заплатить.

«Плетение Тени»: когда город забывает себя, единственный способ остаться собой — помнить за всех.

Артём Тышлангян
Плетение тени

Пролог.

Много веков назад существовала Империя Плетений — цивилизация, где магия была точной, холодной наукой. Заклинания здесь не выкрикивали нараспев, а собирали из рун, незримых нитей силы и выверенных жестов, словно сложнейшие часовые механизмы. Мастера Плетений подчиняли себе сами законы мироздания: они замедляли время в пределах одной комнаты, меняли удельный вес камня или заставляли тени говорить.

Но у этой власти была своя жестокая цена. Каждое сложное плетение требовало платы, и законы сохранения здесь были неумолимы. Чем сильнее заклинание, тем дороже плата: безвозвратная потеря воспоминаний, полное угасание чувств или срезанные годы жизни.

Самые амбициозные маги не желали мириться с такой несправедливостью. Они искали способ платить чужой ценой. Так появились Клятвы Крови — страшные договоры, по которым долг заклинания перекладывался на плечи еще не рожденных потомков.

Вершиной этой извращенной науки стал Обелиск Вечного Платежа. Грандиозный артефакт, способный высасывать жизненные долги с тысяч людей одновременно. Его создатель, архимаг Ваэлор, утопично верил, что так магия наконец станет доступной всем. Но система вышла из-под контроля.

Обелиск обезумел. Он начал пожирать не просто годы, а сами души, искажая реальность вокруг себя.

В местах, где стоял артефакт, рушились законы физики. Люди, заходя в тень Обелиска, навсегда теряли свои лица, превращаясь в безликую биомассу, а их тени оживали, становясь вечно голодными хищниками.

В отчаянии союз свободных гильдий пошел на крайние меры. Обелиск взорвали. Взрыв был настолько мощным, что разорвал саму ткань мироздания на несколько Срезов — слоев реальности, которые теперь существуют бок о бок, но больше никогда не совпадут полностью

Осколки Обелиска разлетелись по миру и стали Сердцами Гильдий. Каждый осколок даровал своей организации безграничную силу, но навсегда привязал её к определенной, чудовищной цене.

Глава 1.

Город Аэрин-Тор жил по своим правилам, и одно из них звучало просто: если ты не оставил следа в памяти хотя бы одного человека, тебя как будто и не было. Но сегодня это правило сломалось.

Каэлин стоял у порога комнаты, где еще час назад жил человек, которого теперь никто не мог вспомнить. В воздухе висел запах остывшего чая и пепла — обычный запах обычной комнаты. Только вот всё остальное было чужим.

На столе лежала раскрытая книга, страница была заложена полоской серой ткани. На полу — пара поношенных сапог, аккуратно поставленных носками к двери. На спинке стула висел плащ с серебряной нитью по краю — знак младшего мага Гильдии Плетений. И ни у кого из соседей не было ни малейшего воспоминания о хозяине этой комнаты.

— Его звали… — Каэлин запнулся, глядя на наставника, мастера Дрейна. Тот хмурился, медленно постукивая пальцами по каменной стене.

— Вот именно. Никто не может вспомнить его имя. Даже те, кто делил с ним очаг. Это не забывчивость. Это как если бы из ткани мироздания вытащили одну нить, и весь узор пошел трещинами.

Каэлин сделал шаг внутрь. Здесь магия работала иначе: не через крики и слепящие вспышки, а через холодную, вы-

веренную точность. Он достал из сумки тонкую серебряную проволоку и начал выкладывать на полу простой контур — базовое плетение для «запечатления места». Проволока должна была зафиксировать состояние комнаты в момент смерти. Но стоило ему замкнуть контур, как металл тихо, болезненно зазвенел и начал стремительно темнеть, будто его окунули в густую сажу.

— Не нравится мне это, — пробормотал Дрейн. — Плетение не фиксируется. Оно… скользит.

Каэлин наклонился и провел пальцем по полу. В пыли был след, который не принадлежал ни ему, ни Дрейну. След был обычным, человеческим, но тень от него падала не туда, куда должна была падать при свете лампы. Тень жила по своим законам.

Он поднял глаза и увидел в углу комнаты едва заметную рябь — будто воздух там стал плотнее, тяжелее. Каэлин протянул руку и коснулся этого искажения. На секунду ему показалось, что он слышит шепот. Не слова, а интонацию — голос, который он не мог опознать, но который почему-то казался до боли родным.

И тут его накрыло странное, липкое чувство: будто он уже стоял в этой комнате, уже видел этот след, уже слышал этот шепот. Только тогда он был не наблюдателем, а кем-то другим.

Это не воспоминание, — подумал Каэлин, чувствуя, как холодеет затылок. — *Это эхо.*

В этот момент дверь распахнулась от резкого удара, и в комнату ворвался молодой стражник, тяжело дыша.

— Мастер Дрейн, еще один! В переулке у Рыночной площади. Человек, которого никто не знает.

Дрейн резко выпрямился, его лицо посерело.

— Сколько их уже?

— Четверо за сутки. И все — как будто стёрты из памяти.

Каэлин посмотрел на почерневшую, мертвую проволоку в своей руке. В Гильдии учили, что любое плетение имеет цену, и маг всегда платит её сам. Но здесь цена была не его. Она была взята с кого-то другого, кто даже не подозревал о сделке. И тот, кто это сделал, знал, как обойти фундаментальные законы Империи Плетений.

Они вышли из комнаты, и Каэлин в последний раз оглянулся через плечо. Тень в углу снова шевельнулась. На этот раз она смотрела прямо на него. У неё не было лица, но был голодный, осмысленный взгляд.

Глава 2.

В Гильдии Плетений не любили спешку. Здесь веками почитали точность, и каждое движение имело свой вес, свою цену. Но сегодня в зале Совета царила непривычная, гнетущая суета. Маги в черных плащах с тускло светящимися рунами на рукавах сбились в тесные группы, перешептываясь. Их взгляды то и дело метались к огромным песочным часам в центре зала, где алый песок неумолимо перетекал вниз. До «тихого мига» оставалось десять минут.

Каэлин сидел на жесткой дубовой скамье у стены, сжимая в озябших пальцах тонкую полоску бумаги. Записи с места преступления. Бумага была дорогой — плотный пергамент из коры дерева, выросшего в Срезе Теней. Чернила на ней уже начали стремительно тускнеть, словно сама реальность отказывалась помнить написанное.

Мастер Дрейн подошел к трибуне и медленно поднял руку. Тяжелая ткань его плаща не издала ни звука. Зал замер.

— За последние сутки исчезло четыре человека. Не сбежали. Не погибли. Их стерли из памяти. И я боюсь, что это лишь первые капли перед настоящим ливнем.

По залу прокатился тревожный, змеиный шепот. Кто-то из задних рядов не выдержал и выкрикнул:

— Это работа Гильдии Убийц! Они стирают материальные следы!

Дрейн покачал головой, и в этом жесте не было привычной уверенности наставника.

— Убийцы убирают тела. Они не стирают саму суть человека из памяти всех, кто его знал. Это что-то другое. Что-то, что работает на уровне самой ткани мироздания.

Один из старших магов, женщина с лицом, похожим на высеченную из мрамора маску, и холодными, оценивающими глазами, подала голос:

— А что с плетениями? Удалось зафиксировать хоть какой-то остаточный след?

Каэлин поднял руку, хотя никто его не спрашивал. Он встал, и скамья под ним скрипнула слишком громко в наступившей тишине.

— Плетения не фиксируются. Они… скользят. Как будто место уже занято чужим, враждебным следом. Проволока чернеет, потому что реальность отталкивает её.

В зале снова зашептались, на этот раз громче и испуганнее. Дрейн посмотрел на Каэлина долгим взглядом, в котором читалось тяжелое, почти отцовское одобрение.

— Именно. Это не просто убийство. Это переписывание. Искажение хроник. И если мы не найдем того, кто это делает, то завтра утром любой из нас может проснуться и обнаружить, что его имя стерто из списков Гильдии.

Когда собрание было объявлено закрытым, Дрейн подозвал Каэлина к себе, отведя его в нишу под витражом.

— Ты чувствуешь это лучше других. Ты видишь эти ис-

кажения, потому что твоя собственная память и так нестабильна. Ты не теряешь воспоминания так, как другие — они просто не держатся в тебе так крепко.

Каэлин нахмурился, сминая в кармане полоску тускнеющей бумаги.

— Вы хотите сказать, что моя слабость — это преимущество?

Дрейн усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— В нашем деле любая слабость может стать оружием. Главное — знать, как её использовать, пока она не сожрала тебя изнутри.

Они вышли во внутренний двор Гильдии. Здесь, в глубокой тени высокой башни, было тихо и прохладно. Дрейн достал из нагрудного кармана маленький кристалл «шёпота», похожий на застывший кусок ртути, и протянул его Каэлину.

— Возьми. Он настроен на частоты искажений. Поможет тебе услышать то, что не говорят вслух. Но помни: он работает в обе стороны. Он может передавать чужие мысли, страхи и боль прямо в твой разум. Иногда это гораздо хуже, чем тишина.

Каэлин взял кристалл. Тот был ледяным и слегка вибрировал в пальцах, вторя биению его собственного сердца.

— Куда мне идти?

— К Рыночной площади. Там было последнее убийство. И там ты встретишь тех, кто знает больше, чем говорит. Тех,

кто торгует забытым.

Когда Каэлин шагнул в арку ворот, он кожей почувствовал чужой взгляд. Один из магов в черном плаще, стоявший в глубокой тени колонны, смотрел на него слишком пристально. В его глазах не было ни любопытства, ни страха. Только холодный расчет.

Глава 3.

Рыночная площадь в Аэрин-Торе никогда не спала. Даже в глухую полночь здесь горели масляные фонари, и торговцы редкостями из Срезов шептали свои предложения, стараясь перекричать хриплый гул толпы. Но сегодня здесь было тише обычного. Люди сбивались в тесные, нервные кучки, переговаривались только шёпотом и то и дело оглядывались на зияющие пасти тёмных переулков.

Каэлин шёл по краю площади, стараясь не выходить из кругов желтого света. Кристалл «шёпота» в кармане плаща тихо, на грани слышимости гудел, вибрируя в такт шагам. Иногда он выбрасывал в сознание Каэлина обрывки чужих, панических мыслей: «не ходи туда», «они уже близко», «никто не должен знать».

Он свернул в переулок, где было совершено последнее убийство. Здесь пахло застоявшейся сыростью, гнилью и ржавчиной. На брусчатке темнело пятно, издалека похожее на пролитую дешевую краску, но Каэлин знал правду. Это был след магии, которая работала не с материей, а с самой памятью о материи.

Он достал кристалл и поднес его к холодному пятну. Камень вспыхнул тусклым, голубым светом и издал короткий звук, похожий на болезненный вздох умирающего. И в ту же секунду Каэлин услышал шаги за спиной.

Он обернулся стремительно, готовый вить боевое плетение.

Пусто.

Только тень на мокрой кирпичной стене двигалась не так, как должна была. Она не повторяла его резкий поворот. Она шла своим, отдельным путем.

Из темноты, словно соткавшись из тумана, вышла фигура в тёмном плаще. Лицо было скрыто глубоким капюшоном, но Каэлин успел заметить на плече едва заметный узор — древний символ, который он видел лишь однажды, в закрытых архивах Гильдии Убийц.

— Ты ищешь того, кто стирает людей, — сказала фигура. Голос был женским, спокойным, лишенным всякого страха. — Но ты не понимаешь, что сам оставляешь за собой след, который могут стереть в любой момент.

Каэлин сжал кристалл так сильно, что острые грани впились в ладонь.

— Кто ты?

Фигура откинула капюшон. Перед ним стояла молодая женщина с тёмными, почти черными глазами и короткой, неровной стрижкой. Её лицо было бледным, а взгляд — острым, как лезвие обсидиана.

— Меня зовут Мира. Я из Гильдии Убийц. И я ищу того же, что и ты. Только я знаю, что это не человек.

Каэлин почувствовал, как по спине пробежал настоящий, физический холодок, не имеющий ничего общего с ночной

сыростью.

— Что ты имеешь в виду?

Мира кивнула на тень на стене. Она не смотрела на рисунок — она смотрела сквозь него.

— Смотри. Моя тень не повторяет мои движения. Она живёт своей жизнью. И она видит то, чего не вижу я. Сегодня она показала мне это место. И тебя.

Каэлин опустил глаза на свою тень. Она лежала у его ног, казалось бы, спокойно, но ему вдруг показалось, что она стала чуть длиннее, чем позволял свет фонаря.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он, не узнавая собственного голоса.

Мира усмехнулась, но в её улыбке не было ни грамма веселья — только горькая ирония.

— Потому что если это не остановить, то скоро никто не будет помнить даже Гильдию Убийц. А я, как ни странно, ещё не готова исчезнуть.

Они стояли друг напротив друга, и между ними висело напряжение, густое, как смог Среза Теней. Каэлин чувствовал, что этот момент — переломный. Он мог оттолкнуть её, развернуться и уйти в привычную, понятную тьму Гильдии Плетений. Или принять помощь убийцы и шагнуть в безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.